

Археологические вести

— 27 —

Archaeological news

27
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

27
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова, академик РАН В. Л. Янин

Рецензенты:

кандидат исторических наук А. А. Пескова, доктор исторических наук Е. А. Рыбина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — Вып. 27 / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 446 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередной выпуск «Археологических вестей» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. В серии работ, входящих в раздел «Новые открытия и исследования», рассматриваются отдельные категории археологических древностей от каменного века до нового времени, также вводятся в научный оборот материалы палеолитического нахождения Ункей (Нукутский район, Иркутская область) и анализируются контакты населения самбийско-натагийской культуры со Средним Дунаем в гуннское и постгуннское время. В специальный раздел включены статьи по актуальным проблемам археологии эпохи бронзы и раннего железа Кавказа, а также работа по интерпретации камерных погребений в Пскове второй половины X в. Кроме того в журнале представлены работы по истории и организации науки. Среди авторов — ученые из различных городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Новосибирска, Владикавказа), Украины (Одессы) и Франции (Парижа).

The present issue of «Arkheologicheskie vesti» (Archaeological News) includes articles concerned with the most recent researches in the sphere of archaeology, history and culture. The series of works comprised in the section “New discoveries and researches” considers particular categories of archaeological antiquities dated from the Stone Age to the modern period; in particular, materials from the Palaeolithic site of Unkey (Nukut district, Irkutsk Oblast) are published and contacts between the population of the Sambia-Natangia culture and the Middle Danubian region during the Hun and post-Hun time are analysed. A special section includes papers on the current problems of archaeology of the Bronze Age and the Early Iron Age in the Caucasus, as well as a study on the interpretation of stone burials in Pskov of the second half of the 10th century. In addition, the yearbook presents works on the history and organization of the archaeological science. The authors are scholars from different research centres of Russia (Moscow, St. Petersburg, Irkutsk, Novosibirsk, Vladikavkaz), Ukraine (Odessa) and France (Paris).

Первая страница обложки — Пенджикент. Расписная керамика (к статье Ф. Ш. Аминова)
First page of cover — Panjakent. Painted pottery (article by F. Sh. Aminov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Железные топоры раннего железного века из могильника и поселения Джантух (Абхазия)¹

А. Ю. Скаков, А. И. Джопуа²

Аннотация. В статье на фоне находок с территории Западного Закавказья и прилегающих районов Северного Кавказа анализируется серия железных топоров могильника и поселения Джантух (Восточная Абхазия) V–III вв. до н. э. Бóльшей частью это новые находки, позволяющие уточнить типологию и хронологию железных топоров данного региона, а также вновь обратиться к проблеме межкультурных связей на Западном Кавказе.

Annotation. This paper analyzes, against the general background of finds from the area of the Western Transcaucasia and adjoining regions of the Northern Caucasus, a series of iron axes from the burial ground and settlement of Dzhantukh (Eastern Abkhazia) of the 5th–3rd centuries BC. The finds concerned mostly have been discovered recently enabling us to propose a more correct typology and chronology of iron axes from the region under consideration, as well as to consider anew the problem of intercultural links in the Western Caucasus.

Ключевые слова: Абхазия, колхидская культура, могильник Джантух, железные топоры, кобанская культура, межкультурные связи.

Keywords: Abkhazia, Kolchis culture, cemetery of Dzhantukh, iron axes, Koban culture, intercultural relations.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-72-89

Введение

Могильник Джантух, расположенный в юго-восточной Абхазии, в ущелье р. Галидзга (поселок Акармара, г. Ткуарчал) (рис. 1, 1), на сегодняшний день можно считать одним из эталонных памятников для всего Западного Закавказья (Скаков, 2011; Скаков, Джопуа, 2011; 2012; 2018; 2019). Могильник «открыт»

еще в 1970–1980-е гг. местными «копателями» и много лет ими разрушался. В 1981, 1983 и 1985 гг. незначительные по масштабу работы здесь проводили абхазские археологи (Шамба Г., 1984; Шамба Г., Шамба С., 1990). Методический уровень археологических изысканий 1980-х гг. и качество публикаций материалов затрудняют использование полученных тогда материалов, бóльшая часть которых, хранившаяся в музее г. Гагра, пропала в период грузино-абхазского конфликта 1992–1993 гг. В 2005 г. нам удалось обнаружить место могильника, а в 2006–2017 гг. на нем велись ежегодные работы совместной российско-абхазской археологической экспедиции ИА РАН, ИВ РАН, АБИГИ и АГМ. В 2018–2019 гг. работы проводились на ранее обнаруженном поселении, синхронном

¹ Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ «Северо-Западное Закавказье (Абхазия) в эпоху поздней бронзы — раннего железа» (№ 18-09-00293а).

² Скаков А. Ю. — Отдел археологии бронзового века, Институт археологии РАН; ул. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117292, Россия; E-mail: skakov09@gmail.com. Джопуа А. И. — Абхазский государственный музей; ул. Леона, д. 22, г. Сухум, 384900, Республика Абхазия; E-mail: arkadi100@rambler.ru.

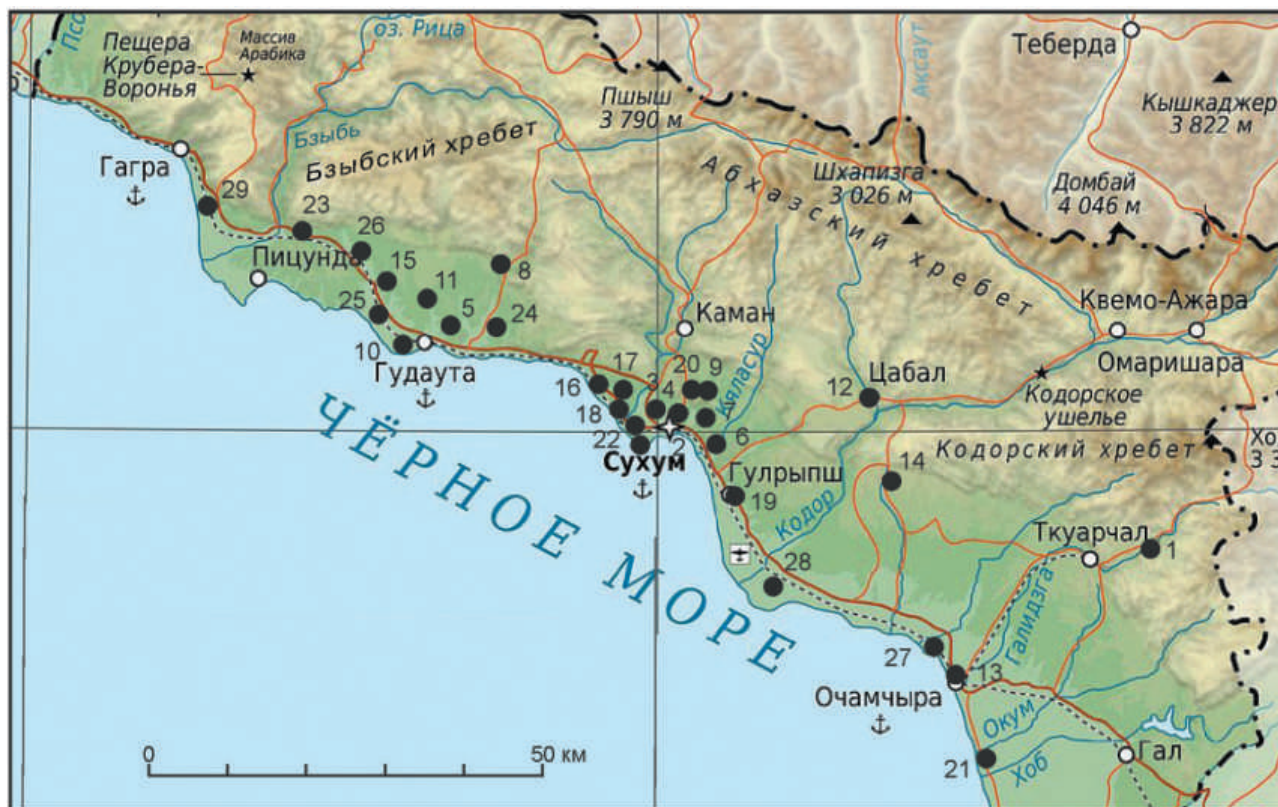

Рис. 1. Карта находок железных топоров VII–III вв. до н. э. на территории Республики Абхазия: 1 — Джантух; 2 — Красный Маяк; 3 — Гуадиху; 4 — Сухумская гора; 5 — Куланурхва; 6 — р. Келасур; 7 — Алексеевское ущелье; 8 — Ачандара; 9 — р. Беслетка; 10 — Бамбора; 11 — Лыхны; 12 — Цебельда; 13 — Очамчира; 14 — Джгерда; 15 — Здвандригли; 16 — Холм Верещагина; 17 — Эшерское городище; 18 — Нижняя Эшера; 19 — Гульрипш; 20 — Ахул-абаа; 21 — Гудава; 22 — Ачадара; 23 — Калдахуара; 24 — Аацы; 25 — Хипста; 26 — Отхара; 27 — Гиенос; 28 — Баглан; 29 — Псахара (Колхида)

Fig. 1. Map of findspots of iron axes of the 7th–3rd century BC in the territory of the Republic of Abkhazia: 1 — Dzhantukh; 2 — Krasnyy Mayak; 3 — Guadikhu; 4 — Sukhumi Mount; 5 — Kulanurkhva; 6 — Kelasur River; 7 — Alekseyevskoye gorge; 8 — Achandara; 9 — Besletka River; 10 — Bambora; 11 — Lykhny; 12 — Tsebelda; 13 — Ochamchira; 14 — Dzhgerda; 15 — Zdvandrigli; 16 — Vereshchagin Hill; 17 — Eshera hillfort; 18 — Lower Eshera; 19 — Gulripsh; 20 — Akhul-Abaa; 21 — Gudava; 22 — Achadara; 23 — Kaldakhuara; 24 — Aatsy; 25 — Hipsta; 26 — Otkhara; 27 — Gienos; 28 — Baglan; 29 — Psakhara (Colchis)

могильнику и расположенном на другом отроге той же горы³.

Железные топоры Джантуха

Достаточно многочисленные предметы вооружения из Джантухского могильника, опубликованные в свое время исследователями

памятника (*Шамба Г., Шамба С., 1990. С. 25, рис. 16, 4, 5; 20, 1, 4*), лишены каких-либо привязок к достоверным комплексам. Фактически это неполная сводка случайных находок с территории могильника. Джантухские материалы были опубликованы в двух монографиях, одна из которых, общего характера, увидела свет в Сухуми (*Шамба Г., 1984*), а вторая, посвященная исключительно этому памятнику, — в Тбилиси (*Шамба Г., Шамба С., 1990*), в период развала СССР. Недоступность последнего издания для большинства

³ В 2019 г. мы приступили также к исследованиям античного полиса Гиенос (современный г. Очамчира) и провели спасательные работы в с. Ачандара (Гудаутский район) на месте обнаружения в 2018 г. элитного погребения V в. до н. э.

специалистов, низкое качество иллюстраций, невозможность соотнести подавляющее большинство находок с несколькими раскопанными комплексами — все эти факты затруднили ввод уникального памятника в научный оборот. Учитывая это, в настоящей работе мы используем ранее опубликованные железные топоры Джантухского могильника (речь шла о шести экземплярах, но опубликованы рисунки и краткое описание только четырех — см. рис. 2, 4, 5, 7, 8) исключительно как аналогии новым найденным изделиям.

В первые годы наших работ на Джантухском могильнике в основном исследовались потревоженные грабителями погребальные ямы, хотя были обнаружены и комплексы XIII–XI, IX и VIII–VII вв. до н. э. В погребальных ямах более позднего времени находки предметов вооружения были единичными. Отметим, что датировка этих погребальных комплексов дана по античному керамическому импорту, встреченному здесь в неожиданно большом количестве (Скаков и др., 2016). В погребальной яме № 3 (вторая половина V — первая половина III в. до н. э.), где слой почти повсеместно был перемешан «черными копателями» советского времени, обнаружены две железные модели топориков (рис. 2, 1, 2). Модели предметов не единичны в материалах Джантухского могильника, здесь также встречены модели долот. В той же погребальной яме найдена лезвийная часть топорика (рис. 2, 3). Из погребальной ямы № 5 (вторая половина V — первая половина III в. до н. э.), также (кроме придонной части) потревоженной «искателями древностей», происходит лезвийная или обушная часть топора-клевец (рис. 2, б), по своей форме нехарактерного для территории Абхазии. В то же время фактически полная аналогия (если имеющийся фрагмент — обушок) имеется в западнокобанской культуре — в погребении № 1 Исправненского могильника (Козенкова, 1995. С. 73, табл. XIX, 9; Козенкова, Найденко, 1980. С. 204, рис. 5, 1). В. И. Козенкова отнесла этот тип топоров (тип III, по ее классификации) ко второй половине VI — началу V в. до н. э. Хотя в первой публикации она датировала погребение № 1 Исправненского могильника

рубежом VII–VI вв. или «самым началом» VI в. до н. э. (Козенкова, Найденко, 1980. С. 207).

В дальнейшем на Джантухском могильнике удалось обнаружить три потревоженных комплекса, содержащих значительное количество разнообразного оружия. Это погребально-поминальная вымостка, являющаяся комплексом длительного бытования и неоднократного использования, и две ямы-«тайника», которые созданы при сооружении погребальных ям № 5 и 7 (Скаков, Джоуа, 2018. Рис. 1). По сути это своего рода жертвенные комплексы с достаточно ограниченным набором категорий инвентаря, который представлен сотнями предметов. Помещенные в огонь изделия (в более раннем «тайнике» погребальной ямы № 7 вещи сжигались где-то на стороне, в погребальной яме № 5 — в самой яме-«тайнике») не только требуют реставрации, но обычно остаются фрагментированными. Тем не менее еще до завершения реставрации получены серии кинжалов, копий и топоров различных типов. В ямы-«тайники» не помещали керамику и бусы, а украшения представлены лишь ограниченным набором категорий — в первую очередь браслетами, гривнами, цепочками; здесь также отсутствует антропологический материал. В погребально-поминальной вымостке железные топоры не обнаружены. Отметим, что такая особенность погребального обряда, как ямы-«тайники»⁴, впервые открыта на памятниках Западного Закавказья и прилегающих регионов (Скаков, Джоуа, 2013).

В «тайнике» погребальной ямы № 5 обнаружены два относительно целых топора (рис. 3, 1, 8), четыре лезвийные части топоров (рис. 3, 2, 3, 7, 9), один проух с обушной частью, две обушные части с остатками проуха. В большем количестве железные топоры⁵ представлены в комплексе «тайника» погребальной ямы № 7.

⁴ Это ямы, сделанные в придонной части погребальных ям, заполненные огромным количеством изломанных и пережженных предметов определенных категорий инвентаря и затем перекрытые материковой глиной.

⁵ Небольшое количество находок находится на реставрации.

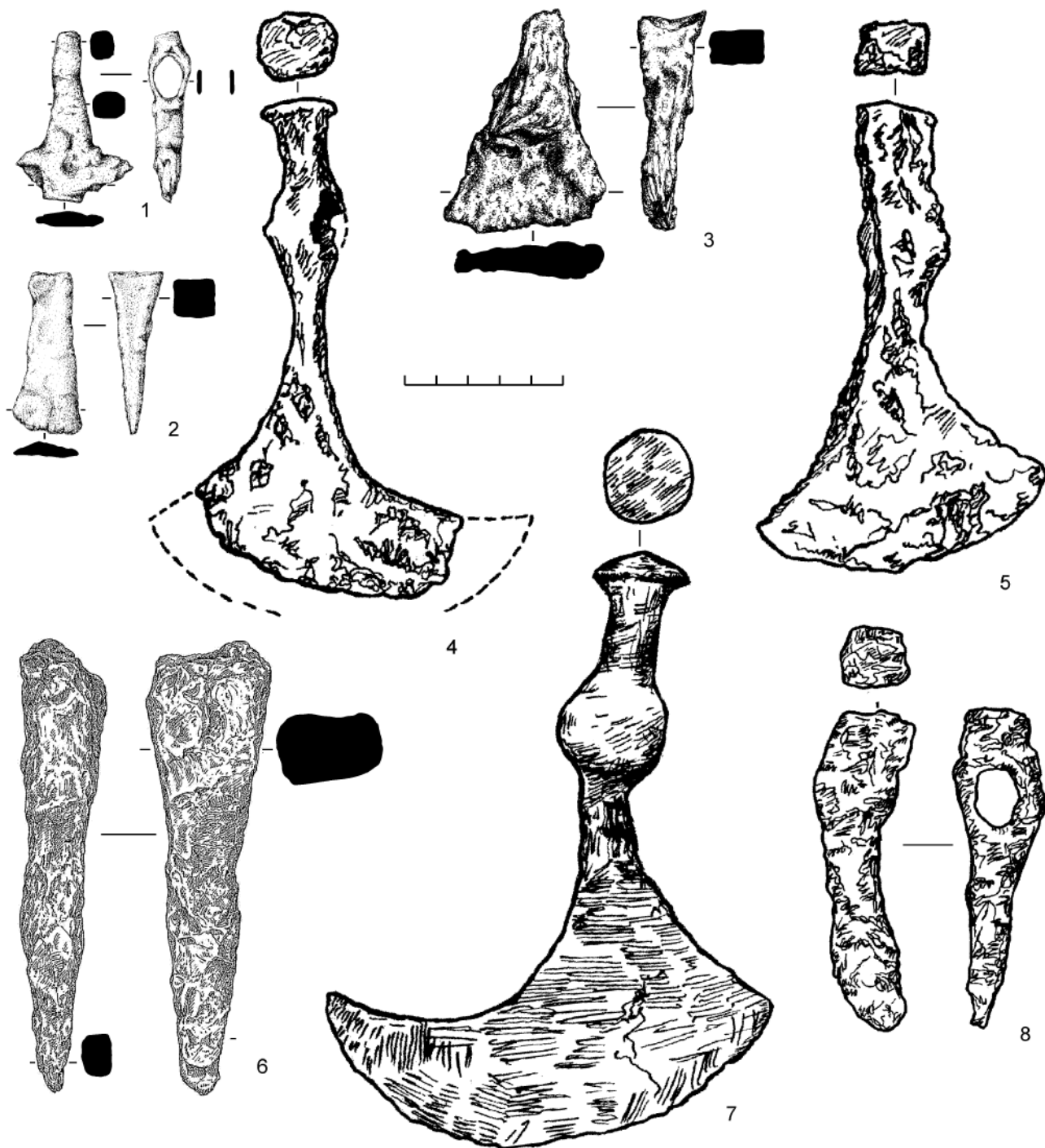

Рис. 2. Железные топоры могильника Джантух: 1, 2 — модели топоров из погребальной ямы № 3; 3 — лезвийная часть топора из погребальной ямы № 3; 4, 6-8 — топоры из старых раскопок могильника; 5 — фрагментированный топор-клевец из погребальной ямы № 5

Fig. 2. Iron axes from the cemetery of Dzhantukh: 1, 2 — models of axes from burial pit no. 3; 3 — blade of an axe from burial pit no. 3; 4, 6-8 — axes from previous excavations at the cemetery; 5 — fragmented axe-bec de corbin from burial pit no. 5

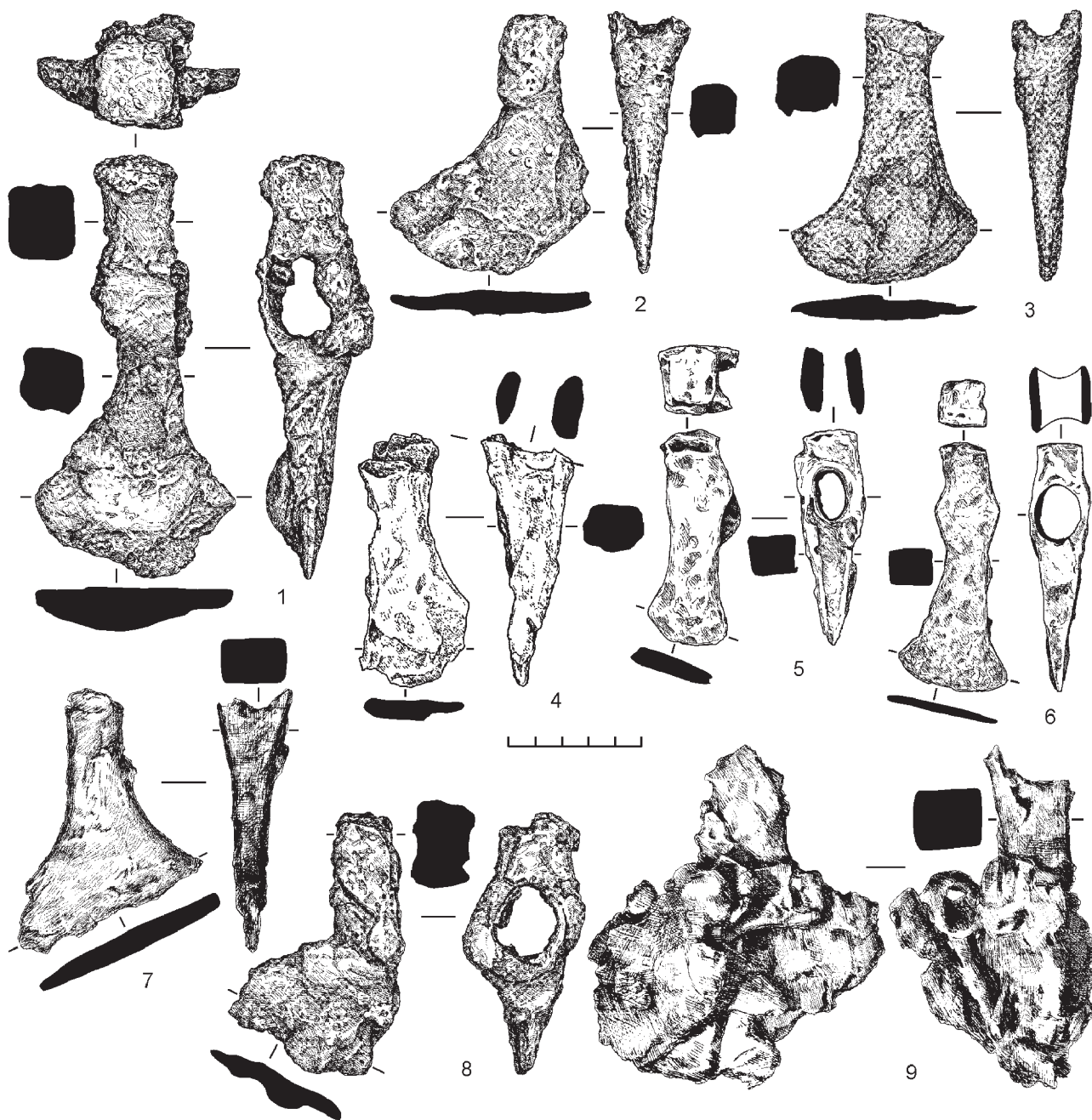

Рис. 3. Железные топоры могильника Джантух: 1-3, 6-8 — из «тайника» погребальной ямы № 5; 4, 5, 9 — из «тайника» погребальной ямы № 7

Fig. 3. Iron axes from the cemetery of Dzhantukh: 1-3, 6-8 — from 'cache' in burial pit no. 5; 4, 5, 9 — from 'cache' in burial pit no. 7

С учетом плохой сохранности топоров, их классификация является достаточно условной. В 11 случаях до нас дошли только обухные части топоров, иногда с частично или полностью сохранившимся проухом. Из них только в двух случаях обухная часть может

считаться сильно профилированной. В различной степени фрагментированные 21-23 топора могут быть отнесены к тому или иному типу, среди которых выделяется лезвийная часть со скошенным узким лезвием (рис. 4, 3). Топоры с таким лезвием хорошо

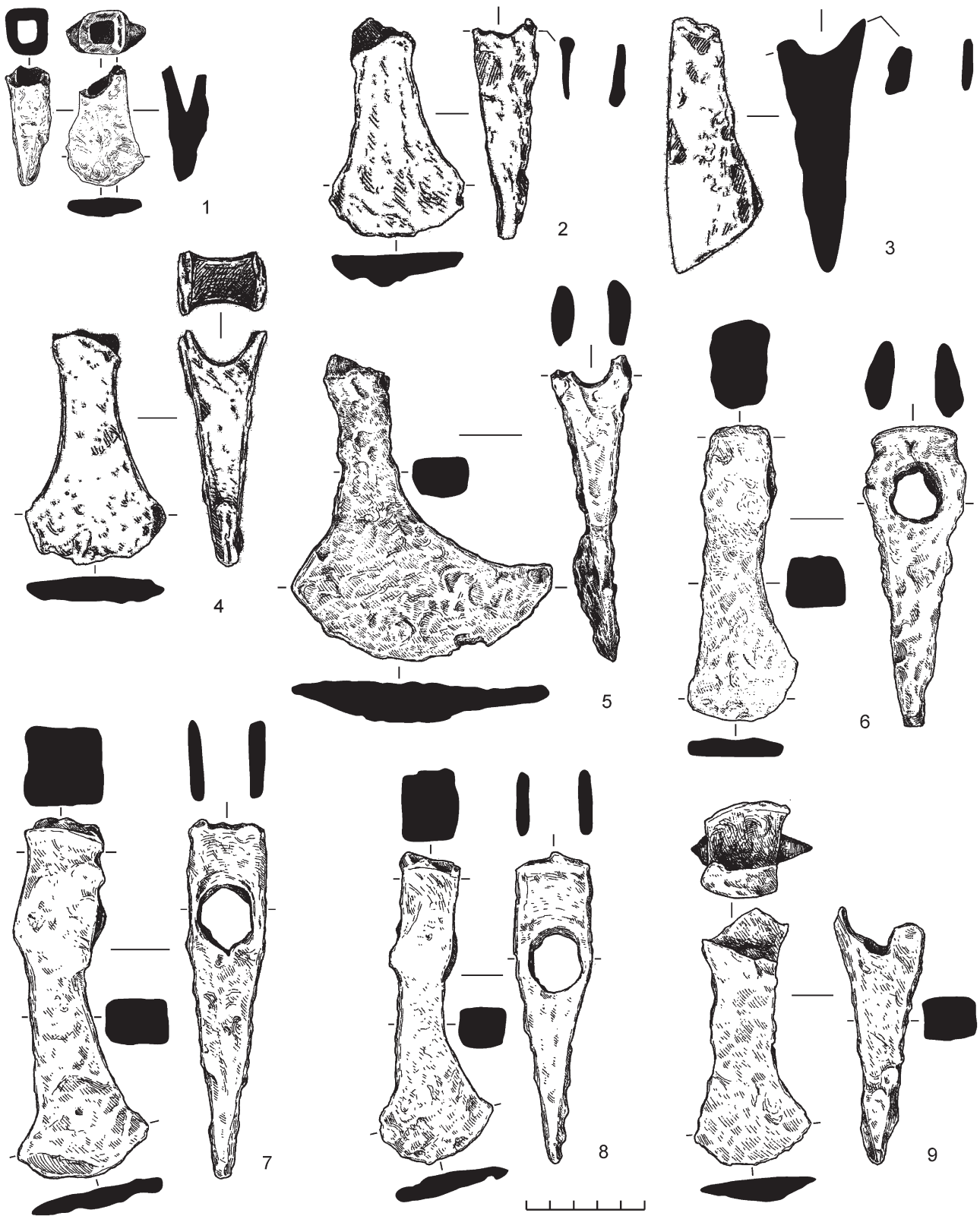

Рис. 4. Железные топоры могильника Джантух: 1-9 — из «тайника» погребальной ямы № 7
Fig. 4. Iron axes from the cemetery of Dzhantukh: 1-9 — from 'cache' in burial pit no. 7

представлены в западнокобанских древностях и относятся к типу I, по В. И. Козенковой (Козенкова, 1995. С. 72, табл. XIX, 1–3), но для Северо-Западного Закавказья они не характерны.

Классификация железных топоров

При классификации обнаруженных топоров мы опирались на типологическую схему Ю. Н. Воронова, которая требует некоторых уточнений, но пока остается единственной специально разработанной схемой для данного региона (Воронов, 1975. С. 221–222). Исследователь выделил три типа топоров. Первый тип, «с узким вытянутым контуром, проухом в центральной части, узким молоточковидным восьмигранным или округлым в сечении обухом», он отнес к началу VI в. до н. э. Второй тип, «со слегка расширенным вниз лезвием и коротким молоточковидным обухом», Ю. Н. Воронов датировал периодом начиная с V в. до н. э. Третий тип, «с секировидным лезвием, резко профилированной обушной частью и молоточковидным, часто выпуклым обухом», был отнесен к IV–II вв. до н. э. (*Там же*).

Некоторые современные грузинские исследователи выделяют для памятников Грузии V–IV вв. до н. э. только два типа топоров, ко второму типу относятся экземпляры с коротким обухом, узкой шейкой, широким асимметричным или симметричным лезвием, а первый тип отличается от него, по сути, только наличием узкого лезвия (*Gamkrelidze et al.*, 2016. P. 212–213). Соответственно первый тип датируется преимущественно V–IV вв. до н. э., хотя некоторые его разновидности доживают до III–II вв. до н. э., а второй тип бытует с конца V — начала IV до III–II вв. до н. э. (*Ibid.* P. 213).

Опираясь на схему Ю. Н. Воронова и дополняя ее, на основе архитектоники изделий, железные топоры Северо-Западного Закавказья можно отнести к трем типам. *Тип 1* — топоры с узким вытянутым корпусом, округлым лезвием, проухом (как правило) в центральной части и в большинстве случаев вытянутой узкой обушной частью; *тип 2* — топоры со слегка

расширенным лезвием; *тип 3* — топоры с секировидным лезвием. Особенности лезвийной части позволяют для топоров типа 3 выделить два подтипа: *подтип 3.А* — секировидное лезвие расширенное; *подтип 3.Б* — секировидное лезвие сильно расширенное и обычно асимметричное, при этом имеются узкая шейка, выделенная проушная часть и резко профилированная обушная часть. Для типов 2 и 3 выделяются по два варианта: с сильно вытянутым корпусом (*вариант 2-1, варианты 3.А-1 и 3.Б-1*) и с коротким корпусом (*вариант 2-2, варианты 3.А-2 и 3.Б-2*). Не исключено, что тип 1 может быть разделен на два подтипа (с вытянутой и укороченной обушной частью), однако такие топоры пока рассматриваются совокупно, как принадлежащие к типу 1. Отметим также нечеткие грани между первым и вторым типами, когда некоторые топоры занимают промежуточное положение. На наш взгляд, из топоров, найденных на правом берегу р. Беслетки в 2 км от моря и причисленных Ю. Н. Вороновым к третьему типу, только один может быть отнесен к типу 3 (Воронов, 1969. С. 53, табл. XXXVI, б), тогда как второй — к типу 2 (*Там же*. С. 53, табл. XXXVI, 3). Это обусловлено тем, что по формальным признакам тип 3 восходит к типу 2, являясь его развитием.

Среди упомянутых выше находок одна моделька топорика соответствует типу 1 (рис. 2, 2), вторая — варианту 2 типа 3 (рис. 2, 1), лезвийная часть топора — вероятно, типу 2 (рис. 2, 3).

В «тайнике» погребальной ямы № 5, учитывая плохую сохранность обнаруженных топоров и их фрагментов, достаточно условно к варианту 3.А-1 можно отнести один топор (рис. 3, 1), к варианту 3.Б-2 — один топор (рис. 3, 8), к подтипу 3.А — одну лезвийную часть топора (рис. 3, 3), а в целом к подтипу 3.Б — три лезвийные части топоров (рис. 3, 2, 7, 9). Отметим, что только в одном случае в этом «тайнике» имеется сильно профилированная обушная часть (лезвийная часть у этого фрагмента отсутствует).

В «тайнике» погребальной ямы № 7 восемь или девять топоров могут быть отнесены

Рис. 5. Железные топоры могильника Джантух: 1-9 — из «тайника» погребальной ямы № 7
 Fig. 5. Iron axes from the cemetery of Dzhantukh: 1-9 — from 'cache' in burial pit no. 7

к типу 2 (рис. 3, 4; 4, 1, 2, 4, 9; 5, 2, 3; 6, 3, 4). Пять относительно хорошо сохранившихся топоров относится к варианту 2-2 (рис. 3, 5, 6; 4, 6-8). К подтипу 3.А можно отнести три или четыре топора (рис. 5, 1, 6, 8, 9). Еще четыре топора принадлежат подтипу 3.Б (рис. 4, 5; 5,

4, 5, 7), причем один из них явно относится к варианту 3.Б-2 (рис. 5, 4).

Среди опубликованных ранее четырех железных топоров из Джантухского могильника (Шамба Г., Шамба С., 1990. С. 25, рис. 16, 4, 5; 20, 1, 4) один экземпляр с узким вытянутым

корпусом может быть отнесен к типу 1, однако он имеет укороченную и массивную обушную часть (рис. 2, 8), второй — с расширенным в нижней части секировидным лезвием и коротким обухом относится к типу 3.А-2 (рис. 2, 5), два остальных — с сильно расширенным секировидным лезвием, узкой шейкой и резко профилированной обушной частью (у одного из них обух слегка выпуклый) относятся к типу 3.Б-1 (рис. 2, 4, 7). Кроме того, из Джантухского могильника происходит поступившая в Абхазский государственный музей в составе одной из коллекций сильно удлиненная обушная часть железного топора, не имеющая следов пребывания в огне.

Железные топоры Абхазии и сопредельных территорий

Сводку железных топоров из Абхазии Ю. Н. Воронова следует дополнить многочисленными находками последующих лет (без учета материалов Джантухского могильника), а также несколькими не учтенными им экземплярами. К сожалению, опубликована только часть находок, а разобраться в некоторых публикациях и соотнести рисунок с описанием удается далеко не всегда⁶.

Два топора первого типа, по Ю. Н. Воронову, известны из погребения № 5 могильника Куланурхва (*Трапиш*, 1970. С. 109, 125–128. Табл. V, 11, 26), а также один экземпляр — из погребения № 11 могильника Красный маяк (*Трапиш*, 1969. С. 91, 183. Табл. XIX, 9). К первому типу относятся также два топора из разрушенных погребений на Холме Верещагина (*Воронов*, 1969. Табл. XXXV, 28, 29), топоры из поселения в с. Гудава (*Шамба Г.*, 1984. С. 8, рис. 1, б), кремационного погребения (датировано Г. К. Шамба второй половиной IV в. до н. э.) на Эшерском городище (*Шамба Г.*, 1980. С. 48 (№ 232). Табл. LXII, 4), два экземпляра из Гудаутского государственного музея Отечественной войны народа Абхазии им. С. Дбар. Из них наиболее ранними, очевидно, являются топоры с Холма Верещагина,

отличающиеся изящными пропорциями и восходящие, безусловно, к бронзовым прототипам. К этому же типу необходимо отнести топорик из погребения (2005 г.) в урочище Кутышха с. Нижняя Эшера, выделяющийся своим сильно изогнутым дуговидным абрисом. Комплекс датирован второй половиной VI в. до н. э. (*Шамба Г. и др.*, 2007. С. 167, 169, рис. 7, 4; *Джопуа*, 2011. С. 123–124, рис. 5, 4). Практически полные аналогии этому топору известны в ареале западнокобанской культуры (тип II, по В. И. Козенковой): из гробницы № 1 (1973 г.) на территории санатория «Туркменистан» в Кисловодске, из погребения № 1 в урочище Гоготлоба близ станицы Зеленчукская, из погребений № 3 и 7 могильника Клинь-Яр II (*Козенкова*, 1995. С. 72, табл. XIX, 6–8). В. И. Козенкова отнесла их ко второй половине VI — началу V в. до н. э. Впрочем, в своей более ранней работе она датировала захоронение из санатория «Туркменистан» началом VI в., может быть, даже рубежом VII–VI вв. до н. э. (*Козенкова*, 1989. С. 38).

Топоры второго типа, приведенные в сводке Ю. Н. Воронова, происходят из погребений № 10 и 12 могильника Сухумская гора (*Каландадзе*, 1953. С. 80, 85, табл. IX, 13; X, 1), погребений № 4 и 55 могильника Красный маяк (*Трапиш*, 1969. С. 87, 112, 183–184, табл. VI, 8; XIX, 10, 11), погребений № 4, 5, 10, 11, 55, 79, 80 могильника Гуадику (*Трапиш*, 1969. С. 20–21, 25–26, 33, 45, 56–60, рис. 4, 1–6, табл. II, 6, 9, 11), р. Келасури, р. Бесплетка (*Воронов*, 1969. С. 53, табл. XXXVI, 3), поселения в верховьях Алексеевского ущелья (*Там же*. С. 57, табл. XXVI, 5), Ачандары (2 экз.). Кроме того, ко второму типу относятся топоры из Гудаутского района (*Там же*. С. 53, табл. XXXVI, 2), из поселения на холме Ахул-абаа (*Воронов*, 1991. С. 225, рис. 5, 29), Эшерского городища (2 или 3 экз.) (*Шамба Г.*, 1980. Табл. LXII, 2, 3; LXVIII, 2), урнового погребения 1969 г. северо-восточнее Холма Верещагина (*Шамба Г.*, 1973. С. 187–188, рис. 3, 2), погребения 1968 г. в Нижней Эшере (датировано Г. К. Шамба второй половиной IV в. до н. э.) (*Шамба Г.*, 1972. С. 103, табл. I, 11), погребения 1980 г. в Очамчире (*Шамба С.*, 1982.

⁶ См. *Шамба Г.*, 1980. С. 47–48. Табл. CLII, CLIII.

С. 18, рис. 19, 5), из с. Приморского (*Шамба Г.*, 1984. Рис. 26а, 3).

Топоры третьего типа, известные Ю. Н. Воронову, были найдены на р. Бесплетка (*Воронов*, 1969. С. 53, табл. XXXVI, 6), р. Келасури, в погребениях № 1, 19, 20, 51, 52, 82 могильника Гуадику (*Трапи*, 1969. С. 242, 247, 249, 261, 263, 266, табл. XXIII, 6, 7, 11), погребениях № 2, 3 (2 экз.), 4, 5, 6, 8 могильника Сухумская гора (*Каландадзе*, 1953. С. 77–79. Табл. VIII, 1, 10, 11, 17, 20; IX, 1, 15), в Бамборе (*Воронов*, 1969. Табл. XXXVI, 4), Лыхны, Цебельде, Гульрипше (видимо, происходит из санатория Смецкого — *Миллер*, 1909. С. 75, рис. 2, 6), Джгерде. К третьему типу также относятся, как минимум, два топора (один из них со свинцовой ручкой) из Эшерского городища (*Шамба Г.*, 1980. С. 48, табл. LXIII, 5; 2000. Табл. 62-Б), топор, найденный в 1973 г. северо-восточнее Эшерского городища (*Шамба Г.*, 1980. С. 48, табл. LXIII, 6), экземпляр из погребения № 5 (датировано Г. К. Шамба III в. до н. э.) с верхней площадки Эшерского городища (*Шамба Г.*, 1980. С. 48. Табл. LXIII, 7; 1977. С. 130, табл. III, 6), топоры из погребения № 5 (1985 г.) на холме Ахул-абаа (датировано Ю. Н. Вороновым второй половиной IV в. до н. э.) (*Воронов*, 1991. С. 225, 228, рис. 2, 14; *Bill*, 2003. S. 222. Taf. 154, 15; *Gamkrelidze et al.*, 2018. P. 16–17, № 26), предполагаемого погребения (1970 г.) из пос. Агудзера (*Шамба Г.*, *Квициния*, 1980. С. 121, рис. 3, 14), погребения 1988 г. (датировано автором публикации V–IV вв. до н. э., но, по нашему мнению, относится к III–II вв. до н. э.) в с. Калдахуара (*Барцци*, 2003. С. 50, рис. 1, 22; *Gamkrelidze et al.*, 2018. P. 89–90, № 3), Аацы, Хипсты и Отхары (*Шамба Г.*, *Квициния*, 1980. С. 121, 124), городища античного Гиеноса (*Воронов*, 1976. Рис. 5, 29). Судя по краткой характеристике, к третьему типу относится «топор-секира эллинистического типа» из погребения 1 (1978 г.) в местности Баглан (с. Адзюбжа) (*Барамидзе и др.*, 1979. С. 496). Топор этого типа был обнаружен в 1952 г. в районе с. Псахара (ранее с. Колхида) близ г. Гагра, еще один такой же топор хранился в школьном музее в г. Гагра (*Шамба Г.*, 1974. С. 61–62, рис. 19, 3, 4). При этом последний, со ссылкой на сообщение

учителя К. М. Миносяна, был найден в одном комплексе (1951 г.) с железным акинаком раннескифского облика в бронзовых ножнах (конец VII — первая половина VI в. до н. э.), что неправдоподобно. По утверждению учителя К. М. Миносяна, акинак был найден вместе с бронзовым топором, переданным археологам в 1984 г. (*Бжания*, *Скаков*, 2004. С. 342). В фондах Гудаутского государственного музея Отечественной войны народа Абхазии им. С. Дбар имеется один топор, вероятно, подтипа 3.Б, еще один — варианта 3.Б-1, а также два или три топора варианта 3.Б-2, один из которых обнаружен в с. Звандрипш.

Среди топоров типа 3 выделяются экземпляры с сильно расширенным асимметричным лезвием, один из концов которого немного загнут. Такой топор найден в погребении начала III в. до н. э. в Даблагоми в Западной Грузии (*Gamkrelidze et al.*, 2018. P. 36–37, № 3). Для территории современной Абхазии такие топоры не характерны.

Необходимо упомянуть и находки из района Сочи — области, неразрывно связанной с колхидскими культурами Абхазии (*Мимоход и др.*, 2015. С. 96; *Кудин*, *Кизилов*, 2016). В составе яркого комплекса из Соболевки имеется топор варианта 3.А-1 (*Воронов*, 1979. С. 64, рис. 33, 9), в окрестностях Сочи известна случайная находка топора варианта III.Б-1 (*Там же*. Рис. 34, 7).

Корпус железных топоров рассматриваемого периода из Абхазии не исчерпывается тремя их основными типами. Достаточно вспомнить архаичный и восходящий к бронзовым прототипам топорик из Бамборского (Гудаутского) погребения (*Трапи*, 1970. С. 192, рис. 16, 3), двулезвийный топор с поселения Адзлагара в с. Лыхны (*Лукин*, 1941. С. 73, табл. XXIV, 1, 2). С бамборским топориком можно сблизить изящный и слегка изогнутый топорик из окрестностей Сочи (*Воронов*, 1979. Рис. 33, 19), видимо, тоже довольно ранний, впрочем, его можно отнести и к типу 1. Однако все топоры — это единичные экземпляры, не образующие серий и типологических рядов. Два железных топора и проушная часть еще одного топора обнаружены в могильнике Мерхеули,

но изображения предметов в публикации даны только сбоку, со стороны проухов, поэтому невозможно сделать какие-либо выводы об их типологической принадлежности (Барамидзе, 1977. С. 79, табл. IV, 26, 35, 43).

Если первые два типа (по Ю. Н. Воронову) с их вариантами характерны для широкого ареала, включающего не только большую часть Кавказа, но и степные районы Евразии, то тип 3 представляет собой региональную специфику и редко встречается за пределами Северо-Западного Закавказья⁷. Одно из немногочисленных исключений — находка топора, приближающегося по форме расширенного, слегка асимметричного лезвия к подтипу 3.Б (с укороченной обушной частью — вариант 3.Б-2) в комплексе погребения из Канчаети в Ленингорском (Ахалгорском) районе Южной Осетии (Гагошидзе, 1964. С. 94. Табл. XI, 33; Bill, 2003. S. 184, taf. 84, 6; Gamkrelidze et al., 2018. P. 145–146. № 8). Комплекс был датирован серединой V в. до н. э., так же как и Ахалгорийский «клад» и Алгетское погребение (Гагошидзе, 1964. С. 100). В последние десятилетия наметилась тенденция к «омоложению» находок типа Ахалгорийского «клада», по меньшей мере до первой половины — середины IV в. до н. э., а скорее всего, до второй половины IV — начала III в. до н. э. (Лордкипанидзе, 1989. С. 323; Lordkipanidze, 2003. P. 43–44; Bill, 2003. S. 184).

Еще одно исключение — горные районы Северо-Западного Кавказа, где топоры типа 3 известны из погребения на р. Домбай-Ульген (Домбайская поляна, 1967 г.) (Козенкова, 1995. С. 75–76, табл. XX, 2; Прокопенко, 2014б. Рис. 97.Б, 11), Тебердинского заповедника (1955 г.) (Козенкова, Ложкин, 1981. С. 198, 200, рис. 2, 4; Козенкова, 1989. С. 51, № 176-2), альплагеря «Софруджу» в Домбае (1954 г.) (Козенкова, 1989. С. 50, № 170; 1995. С. 75–76, табл. XX, 3; Прокопенко, 2014а. Рис. 97.Б, 12), погребения 1955 г. с притока Большой Лабы р. Пхия (Анфимов, 1981. С. 106–109, рис. 1, 2), склепа Кобу-

Баши (Алексеева, 1966. С. 151–152, табл. 9, 4; 1971. Табл. 176, 15; Прокопенко, 2014б. Рис. 82, 5; 97.Б, 15), погребения № 10 могильника № 6 у ст. Пашковской (раскопки Н. В. Анфимова 1972 г. — Анфимов, 1981. С. 106)⁸, погребения 3 могильника Мезмай Апшеронского района Краснодарского края (раскопки 2005 г.) (Шевченко и др., 2011. С. 129, 140–141, рис. 13, 5; 16, 2).

В этой выборке топорик из Домбай-Ульгена относится к подтипу 3.А, топорик из Мезмая — к подтипу 3.Б варианту 2 (секировидное сильно расширенное асимметричное лезвие, короткий корпус, узкая шейка, выделенная проушная часть, резко профилированная обушная часть), большинство остальных топоров должно быть отнесено к варианту 3-2. Сохранность лезвия топора из Тебердинского заповедника не позволяет делать вывод о степени его асимметричности. У топора с р. Пхия не выделены проушная и обушная части. Несколько удлиненные пропорции и сильно выделенные обух и проух имеются у топора из Кобу-Баши, который (наряду с экземпляром из погребения 3 Мезмая, датированного второй половиной III — первой половиной II в. до н. э.) является самым поздним в этой группе и принадлежит к варианту 3-1. Особенностью топора из Мезмая является наличие бронзовой оплетки рукояти, в качестве аналогии можно привести топор со свинцовой ручкой с Эшерского городища (Шамба Г., 2000. Табл. 62-Б).

Несмотря на явные различия, все эти топоры (Прокопенко, 2014а. С. 235–236) резко отличаются от местных позднекобанских экземпляров и могут быть уверенно отнесены к импорту с территории современной Абхазии. Учитывая факт их обнаружения в явно синкретичных комплексах, содержащих и некоторые другие предметы закавказского происхождения (гривны, отдельные типы браслетов и копий и т. д.), можно предположить проникновение какой-то группы

⁷ Так, по мнению Гелы Гамкрелидзе и его коллег, топоры этого типа вообще не встречаются за пределами Грузии (Gamkrelidze et al., 2016. P. 213).

⁸ Благодарю А. В. Иванова (Краснодар), любезно предоставившего мне рисунок топора и данные об инвентаре комплекса из Отчета Н. В. Анфимова.

выходцев из Северо-Западного Закавказья в западнокобанскую среду. Серийность находок, представленных не только топорами, заставляет усомниться в выводе В. И. Козенковой, которая неоднократно обращалась к этим комплексам, о том что «контакты с закавказским населением близ Марухского перевала носили форму примитивного обмена или, может быть, это могла быть и военная добыча» (Козенкова, 2013. С. 102–103). Нам представляется, что не стоит недооценивать мобильность древнего населения Кавказа — судя по археологическим материалам перемещения групп населения через перевалы Западного Кавказа с южного на северный склон Главного Кавказского хребта и наоборот были неоднократными. Прослежены многочисленные такие перемещения и в более поздние исторические периоды. Учитывая, что большинство найденных здесь топоров относится к варианту 3-2 (с укороченным корпусом), а на территории Абхазии в большей степени представлены топоры варианта 3-1 (с вытянутым корпусом), можно предположить, что большая часть таких топоров, кроме экземпляра из Кобу-Баши, попала на Северный Кавказ единовременно, с одной группой переселенцев.

В свое время с топорами типа 3 с Сухумской горы В. А. Ильинская сблизила уникальный скифский топор из Талаевского кургана (Ильинська, 1961. С. 39; Есаян, Погребова, 1985. С. 88). Но, как справедливо отметила А. И. Мелюкова, «сколько-нибудь близких к талаевскому топоров мне неизвестно. Сопоставление с топорами из погребений на Сухумской горе, сделанное В. А. Ильинской, неправомерно. Топоры Западного Кавказа не только по общей форме, но и по форме лезвия далеки от талаевского» (Мелюкова, 1964. С. 67).

Еще одно исключение — необычный топорик-секира с сильно опущенным и загнутым, наподобие цалды, одним краем лезвия, найденный в погребении № Л-7 меотского могильника городища № 3 хутора Ленина, датированном по античному импорту первой четвертью или началом второй половины II в. н. э. (Лимберис, Марченко, 2005. С. 226–227,

268–269, рис. 49, 14). Типологически близкие железные топоры-цалды, с чуть менее загнутым краем лезвия, обнаружены в Абхазии — в раскопе 4 на Сухумской горе (Каландадзе, 1953. С. 83, табл. X, 8–10), на городище античного Гиеноса (в слое или в разрушенном погребении) (Воронов, 1976. Рис. 5, 30) и в погребении № 1 (1987 г.) на Тамышском поселении (Бжания, Сангулия, 1989; Сангулия, 2014. С. 214, рис. 4, 6). Эти топоры, синхронные топорам-секирам типа 3, типологически восходят к ранним бронзовым орудиям, хорошо известным в южных районах Колхиды (см. Иессен, 1935. С. 122, рис. 14, 3).

О датировке и типологическом развитии железных топоров

В свое время Ю. Н. Воронов для погребений с топорами типа 3 на территории Абхазии предложил датировку в пределах IV–III вв. до н. э. Это оспаривается В. И. Козенковой на том основании, что появление в этих комплексах «элементов греческой культуры связано с интенсивной колонизацией прибрежной зоны Северо-Восточного Причерноморья в VI–V вв. до н. э.» (Козенкова, 1995. С. 75, 93). По ее мнению, несходство этого типа с кобано-колхидскими железными топорами не исключает, что это «элемент проявления греческого воздействия в Кавказском регионе в V — начале IV в. до н. э. наряду с керамикой, украшениями и деталями погребального обряда» (Там же. С. 75). Тем самым топоры данного типа предстают в роли античного импорта или подражаний ему, что, по нашему мнению, не имеет оснований. Основание для такого предположения известно — в свое время некоторые авторы отмечали, что в IV–III вв. до н. э. греческие мастера изображали скифов (к примеру, на Воронежском сосуде) с топорами близкой формы. Однако топоры рассматриваемого типа 3 тогда уже не бытовали не только у греков, но и у скифов (Есаян, Погребова, 1985. С. 88). Напротив, эти топоры вполне вписываются в типологическую линию развития, прослеживаемую именно в регионе Северо-Западной Колхиды. Тип 3 восходит к типу 2, который, в свою очередь,

обнаруживает явную преемственность по отношению к типу 1. Типологическое развитие топоров шло по линии максимального расширения лезвия (остающегося асимметричным) и выделения обушной части, отделенной от проуха.

Показательно, что в более поздней работе В. И. Козенкова уже не связывает появление железных топоров типа 3 с влиянием античной культуры, но продолжает датировать их V — началом IV в. до н. э. (Козенкова, 2013. С. 102–103). Если обратиться к хронологии комплексов, отдельное внимание которой уделит Г. А. Лордкипанидзе, то рассмотренные им погребальные комплексы с топорами типа 3 по античному керамическому импорту датируются в пределах IV (Гуадику, погребение № 52), второй половины IV (Сухумская гора, погребения № 2 и 5), III в. до н. э. (Сухумская гора, погребение № 3) (Лордкипанидзе, 1978. С. 53–54, 57). Из этого ряда выпадало погребение № 4 Сухумской горы, датируемое по акинаку «не позднее V в. до н. э.», но в настоящее время датировка кинжалов этого типа видится несколько иначе, и, очевидно, в некоторых регионах они бытуют и в IV, и в III в. до н. э. Таким образом, можно согласиться с предложенными Ю. Н. Вороновым датировками топоров типов 1–3.

Выше было показано, что для Джантуха не характерны топоры с удлинённым сильно вытянутым корпусом; судя по сохранившимся фрагментам, слабо представлены и экземпляры с сильно профилированной обушной и проушной частью. Видимо, такие топоры более характерны для Бзыбской (Западной) Абхазии, а в Джантухе преобладают достаточно массивные формы с укороченной обушной частью. Судя по сходству набора инвентаря, между «тайниками» погребальных ям № 5 и 7 имеется небольшой временной интервал. Первоначально, до завершения реставрации и обработки большей части находок из «тайника» погребальной ямы № 7, мы предполагали его возможную датировку в пределах VI–V (скорее V) вв. до н. э. (Скаков, Джопуа, 2016. С. 156–158). В свою очередь «тайник»

погребальной ямы № 5 был датирован нами IV в. до н. э., основанием чему служили найденные здесь серебряные подвески «брильско-го типа», датируемые серединой V — первой половиной IV в. до н. э. (Мошинский, 2006. С. 45), а также железные топоры-секиры. Выяснилось, что топоры-секиры (тип 3) присутствуют в обеих ямах-«тайниках», но в «тайнике» погребальной ямы № 5 всё же отсутствуют топоры типа 2. Это позволяет нам предполагать, что один из них более ранний, чем другой, поэтому «тайник» погребальной ямы № 7 может быть отнесен ко второй половине V — первой половине IV в. до н. э., а «тайник» погребальной ямы № 5 — к середине — второй половине IV в. до н. э., что может быть уточнено при полной обработке найденных материалов.

При исследовании производственного участка поселения на горе Джантух обнаружены два железных топорика сравнительно небольшого размера и хорошей сохранности (рис. 6, 1, 2). По своей форме они не характерны для памятников на территории Абхазии. У одного из них узкое лезвие и узкий клиновидный обушок, приближающийся к клювовидному; у другого — лезвийная часть в виде клевца, а обух также клиновидный, но без следов зооморфизма. Явная клювовидность, или зооморфность, обуха первого топорика напоминает топорик из разрушенного погребения в урочище Красная Горка (район Анапы) с изогнутым обушком в виде фигурки стоящего горного козла (Новичихин, 2006. С. 56, рис. 75). Вероятно, оба этих топорика связаны своим происхождением с Западным Закубаньем или другими смежными районами.

Таким образом, новые материалы раннего железного века из Абхазии позволили с иной точки зрения рассмотреть и предметы вооружения. Анализ всего массива железных топоров данного региона показывает наличие здесь линии их самостоятельного типологического развития с VII–VI до IV–III вв. до н. э. Находки локальных типов предметов вооружения на памятниках других территорий могут быть свидетельством межкультурных связей древнего населения Кавказского региона.

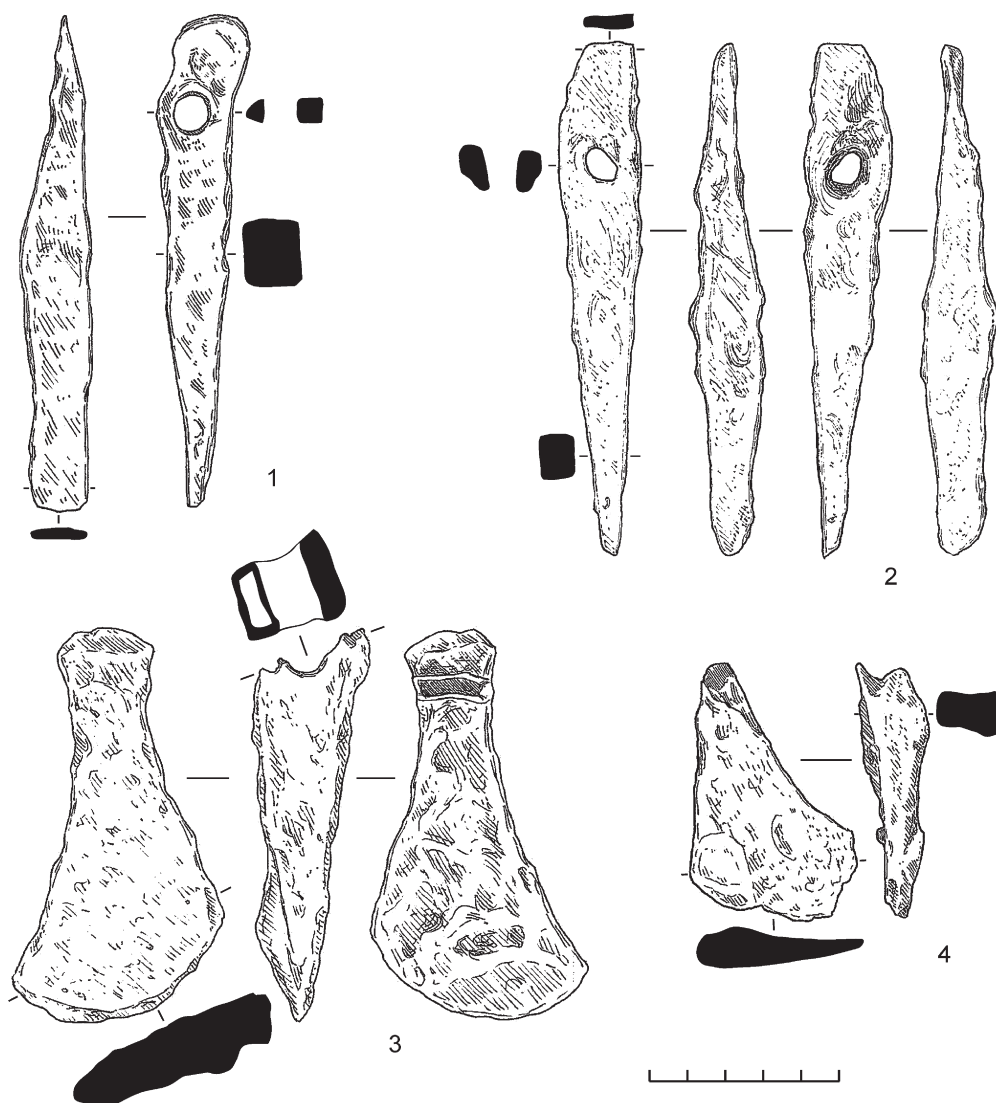

Рис. 6. Железные топоры комплекса памятников на горе Джантух: 1-2 — поселение на горе Джантух; 3, 4 — «тайник» погребальной ямы № 7

Fig. 6. Iron axes from the complex of sites on Mt Dzhantukh: 1-2 — settlement on Mt Dzhantukh; 3, 4 — 'cache' in burial pit no. 7

Алексеева, 1966 — Алексеева Е. П. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии // Тр. Карачаево-Черкесского НИИ истории, языка и литературы. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1966. Вып. V (Сер. историческая). С. 132-260.

Алексеева, 1971 — Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (Вопросы этнического и социально-экономического развития). М.: Наука, 1971. 356 с.

Анфимов, 1981 — Анфимов Н. В. Погребение IV в. до н. э. с реки Пхии // Известия. Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Тбилиси: Мецниереба, 1981. Вып. X. С. 106-109.

Барамидзе, 1977 — Барамидзе М. В. Мерхеульский могильник. Тбилиси: Мецниереба, 1977. 92 с. (на груз. яз., рус. резюме).

Барамидзе и др., 1979 — Барамидзе М. В., Бжания В. В., Квирквелия Г. Т. Раскопки в Адзюбжа // АО 1978 года. М.: Наука, 1979. С. 496.

- Барццыц*, 2003 — *Барццыц Р. М.* Погребение воина из села Калдахуара // *Абхазоведение. История. Археология. Этнология.* Сухум: Алашара, 2003. Вып. II. С. 49–53.
- Бжания, Сангулия*, 1989 — *Бжания Д. С., Сангулия Г. А.* Погребение раннеантичного времени из села Тамыш // *Вопросы археологии Абхазии: Материалы юбилейной науч. сессии АИЯЛИ им. Д. И. Гулиа, посвящ. 70-летию М. М. Трапша / Отв. ред. Г. К. Шамба.* Сухуми: Алашара, 1989. С. 75–78.
- Бжания, Скаков*, 2004 — *Бжания Д. С. Скаков А. Ю.* Новые находки колхидской бронзы из Абхазии // *Памятники археологии и древнего искусства Евразии: Сб. ст. памяти Виталия Васильевича Волкова / Отв. ред. А. Н. Гей.* М.: ИА РАН, 2004. С. 335–343.
- Воронов*, 1969 — *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969. 144 с.
- Воронов*, 1975 — *Воронов Ю. Н.* Вооружение древнеабхазских племен в VI–I вв. до н. э. // *Скифский мир / Отв. ред. А. И. Тереножкин.* Киев: Наукова думка, 1975. С. 218–234.
- Воронов*, 1976 — *Воронов Ю. Н.* Гиенос // *СА.* 1976. № 4. С. 42–55.
- Воронов*, 1979 — *Воронов Ю. Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1979. 128 с.
- Воронов*, 1991 — *Воронов Ю. Н.* Новые материалы античной эпохи из окрестностей Диоскуриады // *СА.* 1991. № 1. С. 225–234.
- Гагошидзе*, 1964 — *Гагошидзе Ю. М.* Памятники раннеантичной эпохи из Ксанского ущелья. Тбилиси: Мецниереба, 1964. 126 с. (на груз. яз., рус. резюме).
- Джопуа*, 2011 — *Джопуа А. И.* Погребения воинской элиты архаического времени из Центральной Абхазии // *Вестник Московского университета.* М., 2011. Сер. 8. История. № 1. С. 115–135.
- Есяян, Погребова*, 1985 — *Есяян С. А., Погребова М. Н.* Скифские памятники Закавказья. М.: Наука, 1985. 152 с.
- Иессен*, 1935 — *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // *Иессен А. А., Деген-Ковалевский Б. Е.* Из истории древней металлургии Кавказа. М.: Л.: ОГИЗ, 1935. С. 7–237 (Известия ГАИМК; Вып. 120).
- Іллінська*, 1961 — *Іллінська В. А.* Скифські сокири // *Археологія.* Київ, 1961. Т. XII. С. 27–52.
- Каландадзе*, 1953 — *Каландадзе Ал.* Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми: АБГИЗ, 1953. 148 с. (на груз. яз., рус. резюме).
- Козенкова*, 1989 — *Козенкова В. И.* Кобанская культура. Западный вариант. М.: Наука, 1989. 196 с. (САИ; Вып. В2–5).
- Козенкова*, 1995 — *Козенкова В. И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. М.: Наука, 1995. 168 с. (САИ; Вып. В2–5).
- Козенкова*, 2013 — *Козенкова В. И.* Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М.: ТАУС, 2013. 252 с.
- Козенкова, Ложкин*, 1981 — *Козенкова В. И., Ложкин М. Н.* Находки из погребений позднекобанской культуры в верховьях Кубани // *СА.* 1981. № 4. С. 196–205.
- Козенкова, Найдено*, 1980 — *Козенкова В. И., Найдено А. В.* Кобанский могильник близ станицы Исправной (Ставропольский край) // *СА.* 1980. № 1. С. 195–210.
- Кудин, Кизилов*, 2016 — *Кудин М. И., Кизилов А. С.* Случайные находки колхидо-кобанских древностей на территории г. Сочи и прилегающей части Туапсинского района // VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, 31 мая — 2 июня 2016 г.) / Ред. Р. Б. Схатум, В. В. Улитин. Краснодар: ИП «Сморозин», 2016. С. 139–147.
- Лимберис, Марченко*, 2005 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // *Материалы и исследования по археологии Кубани / Отв. ред. И. И. Марченко.* Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. Вып. 5. С. 219–324.

- Лордкипанидзе*, 1978 — *Лордкипанидзе Г. А.* Колхида в VI–II вв. до н. э. Тбилиси: Мецниереба, 1978. 192 с.
- Лордкипанидзе*, 1989 — *Лордкипанидзе О.* Наследие древней Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 440 с.
- Лукин*, 1941 — *Лукин А. Л.* Археология Бзыбской Абхазии // Тр. Отдела истории первобытной культуры ГЭ. Л.: Изд-во ГЭ, 1941. Т. I. С. 17–97.
- Мелюкова*, 1964 — *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М., 1964. 92 с., 16 вкл. (САИ; Вып. Д1–4).
- Миллер*, 1909 — *Миллер А.* Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году // Известия ИАК. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1909. Вып. 33. С. 71–102.
- Мимоход и др.*, 2015 — *Мимоход Р. А., Скаков А. Ю., Клещенко А. А.* Могильник эпохи раннего железа Веселое 2 (предварительная публикация) // Города, поселения, могильники: Сб. ст. / Отв. ред. А. В. Энговатова, З. Х. Албегова (Царикаева). Чебоксары: Перфектум, 2015. С. 78–99 (Материалы охранных археологических исследований; Т. 17).
- Мошинский*, 2006 — *Мошинский А. П.* Древности Горной Дигории VII–IV вв. до н. э. М.: Изд-во ГИМ, 2006. 208 с. (Тр. ГИМ; Вып. 154).
- Новичихин*, 2006 — *Новичихин А. М.* Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. (По материалам погребальных памятников). Анапа: РИО СГУТиКД, 2006. 220 с.
- Прокопенко*, 2014а — *Прокопенко Ю. А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н. э. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. Ч. I. 446 с.
- Прокопенко*, 2014б — *Прокопенко Ю. А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н. э. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. Ч. II. 726 с.
- Сангулия*, 2014 — *Сангулия Г. А.* Меото-колхидский горизонт в наследии пограничной археологии Абхазии // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: Материалы междунар. археол. конф. (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.) / Ред. Т. А. Павленко и др. Краснодар: Традиция, 2014. С. 211–221.
- Скаков*, 2011 — *Скаков А. Ю.* Раскопки Джантухского могильника в Абхазии // Вестник РГНФ. 2011. № 4 (65). С. 121–132.
- Скаков, Джопуа*, 2011 — *Скаков А. Ю., Джопуа А. И.* Джантухский могильник в Абхазии: новые открытия // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Вторая Абхазская Междунар. археол. конф., посвящ. памяти М. М. Трапш (8–12 ноября 2008 г.) / Отв. ред. А. Ю. Скаков. Сухум: РУП Дом печати, 2011. С. 132–147.
- Скаков, Джопуа*, 2012 — *Скаков А. Ю., Джопуа А. И.* Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии (предварительная публикация) // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной / Отв. ред. Д. В. Журавлёв, К. Б. Фирсов. М.: Изд-во ГИМ, 2012. С. 217–238 (Тр. ГИМ; Вып. 191).
- Скаков, Джопуа*, 2013 — *Скаков А. Ю., Джопуа А. И.* Культурная вымостка и «тайник»: неизвестные особенности колхидского погребального обряда на могильнике Джантух // Шестая Междунар. Кубанская археол. конф. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: НИИ археологии Кубанского гос. ун-та; Экоинвест, 2013. С. 381–384.
- Скаков, Джопуа*, 2016 — *Скаков А. Ю., Джопуа А. И.* Новые находки памятников кобано-колхидского графического искусства в Абхазии // КСИА. 2016. Вып. 245. Ч. I. С. 154–167.
- Скаков, Джопуа*, 2018 — *Скаков А. Ю., Джопуа А. И.* Исследования последних лет на Джантухском могильнике в Абхазии // Вестник РФФИ. 2018 (Сер. «Гуманитарные и общественные науки»). № 1. С. 152–161.
- Скаков, Джопуа*, 2019 — *Скаков А. Ю., Джопуа А. И.* Исследование могильника на горе Джантух (некоторые итоги) // Археология евразийской степи. Казань, 2019. № 6. С. 53–60.
- Скаков и др.*, 2016 — *Скаков А. Ю., Джопуа А. И., Журавлёв Д. В.* Античный керамический

- импорт Джантухского могильника // Древняя Диоскуриада: Материалы конф. (4 декабря 2015 г., г. Сухум) / Отв. ред. Б. С. Кобахия и др. Сухум: Дом печати, 2016. С. 55–71.
- Трапиш*, 1969 — *Трапиш М. М.* Древний Сухуми. Труды. Сухуми: Алашара, 1969. Т. 2. 376 с.
- Трапиш*, 1970 — *Трапиш М. М.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Труды. Сухуми: Алашара, 1970. Т. 1. 210 с.
- Шамба Г.*, 1972 — *Шамба Г. К.* Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшера // Известия. Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Вып. I. Тбилиси: Мецниереба, 1972. С. 98–112.
- Шамба Г.*, 1973 — *Шамба Г. К.* О некоторых археологических находках из села Нижняя Эшера Сухумского района // Известия. Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Тбилиси: Мецниереба, 1973. Вып. II. С. 181–190.
- Шамба Г.*, 1974 — *Шамба Г. К.* Археологические разведки 1967 года в Гагрском районе // Материалы по археологии и искусству Абхазии / Отв. ред. Л. Н. Соловьёв, Л. А. Шервашидзе. Сухуми: Алашара, 1974. С. 48–65.
- Шамба Г.*, 1977 — *Шамба Г. К.* Материалы могильника эллинистической эпохи из Эшерского городища (по раскопкам 1972 г.) // Известия. Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Тбилиси: Мецниереба, 1977. Вып. VI. С. 127–136.
- Шамба Г.*, 1980 — *Шамба Г. К.* Эшерское городище (Основные результаты археологических раскопок 1968, 1970–1977 гг.). Тбилиси: Мецниереба, 1980. 148 с.
- Шамба Г.*, 1984 — *Шамба Г. К.* Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми: Алашара, 1984. 99 с.
- Шамба Г.*, 2000 — *Шамба Г. К.* Абхазия в I тысячелетии до нашей эры (по данным письменных и археологических источников). Сухум: Алашара, 2000. 312 с.
- Шамба Г., Квициния*, 1980 — *Шамба Г. К., Квициния В. К.* Открытия в пос. Агудзера близ Сухуми // Тр. Абхазского государственного музея. Сухуми: Алашара. 1980. Вып. V. С. 120–127.
- Шамба Г., Шамба С.*, 1990 — *Шамба Г. К., Шамба С. М.* Археологические памятники верховья реки Галидзга (Джантух). Тбилиси: Мецниереба, 1990. 88 с.
- Шамба Г. и др.*, 2007 — *Шамба Г. К., Эрлих В. Р., Джопуа А. И., Ксенофонтова И. В.* Элитные архаические воинские комплексы из Центральной Абхазии // Вестник Академии наук Абхазии. Сухум, 2007. № 2. С. 164–181.
- Шамба С.*, 1982 — *Шамба С. М.* Раннеантичный комплекс из Очамчира // АО 1980 года в Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1982. С. 18–19.
- Шевченко и др.*, 2011 — *Шевченко Н. Ф., Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И.* Княжеское погребение эллинистического времени в могильнике Мезмай (Северо-Западный Кавказ) // ВДИ. 2011. № 1. С. 115–152.
- Bill*, 2003 — *Bill A.* Studien zu den Gräbern des 6. Bis 1. Jahrhunderts v. Chr. In Georgien unter besonderer Berücksichtigung der Beziehungen zu den Steppenvölkern. Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 2003. 474 S. (UPA; Bd. 96).
- Gamkrelidze et al.*, 2016 — *Gamkrelidze G., Shatberashvili V., Pirtskhalava M., Charkviani M., Davlianidze R.* Typological Analysis and statistical Data of Weapons from the Cemeteries of 5th–4th centuries BC Excavated in Georgia // Iberia-Colchis. Researches on the Archaeology and History of Georgia in the Classical and Early Medieval Period. Tbilisi, 2016. No. 12. P. 209–230.
- Gamkrelidze et al.*, 2018 — *Gamkrelidze G., Shatberashvili V., Pirtskhalava M., Charkviani M., Davlianidze R.* Weapons and Armor in Georgia (5th century BC — 4th century AD). Tbilisi: Georgian National Museum, Otar Lordkipanidze Institute of Archaeological Studies, 2018. T. II: Catalogue. 194 p.
- Lordkipanidze*, 2003 — *Lordkipanidze O.* The “Akhalgori Hoard” (Attempt at Dating and Historical Interpretation) // Dziebani. The Journal of the Centre for Archaeological Studies Georgian Academy of Sciences. Tbilisi, 2003. № 11. P. 28–71 (Summary — P. 43–44).

Iron axes of the early Iron Age from the cemetery and settlement of Dzhantukh (Abkhazia)

A. Yu. Skakov, A. I. Dzhopua

This paper analyzes, against the general background of finds from the area of the Western Transcaucasia and adjoining regions of the Northern Caucasus, a series of iron axes from the burial ground and settlement of Dzhantukh (Eastern Abkhazia) of the 5th–3rd centuries BC. The finds concerned mostly have been discovered recently during the works of the joint Russian-Abkhazian expedition in 2006–2018. The majority of the axes were found in ‘hiding places’ which is a feature of a previously unknown tradition of the Kolchis burial rite. These are pits dug in the bottom part of graves filled with an enormous quantity of broken or burnt objects of some categories of grave goods covered afterwards with virgin clay. The series of objects recovered allows the researchers to reconsider more correctly the typology proposed earlier by Yu. N. Voronov for iron axes from the region under consideration. Three main types of axes are distinguishable, but if the first two of them are widely distributed territorially, the third type, excepting the North-Western Transcaucasia, is represented by only single finds in the Northern Caucasus (predominantly in Karachay-Cherkessia) and South Ossetia. These finds allow us to consider once more the problem of the intercultural links in the Western Caucasus.